

Неоплаченный счет

(Заметки о работе
Кишиневского русского
драмтеатра)

Кишиневский зритель любит свой Русский драматический театр. С нетерпением ждет он рождения каждого нового спектакля, волнуется на премьерах, радуется удачам актеров, внимательно следит за ростом творческой молодости, гордится успехами и огорчается неудачами. По-дружески строго и требовательно оценивает он всю его деятельность, твердо уверенный, что театр оправдает возлагаемые на него надежды и заслужит право считаться одним из интересных, подлинно-творческих коллективов страны.

Для роста и продуктивной работы театров отдельных мастеров, а особенно для наиболее ценной и дорогой их части — творческой молодежи, в нашей стране созданы самые благоприятные условия. Почти исчезла разница между театрами столицей и театрами «периферии».

Вот почему все более закономерным является желание театральной общественности Кишинева оценивать деятельность своего театра «без скиндов» и предъявлять к нему требования эпохи большого счета.

На республиканском совещании, проведенном ЦК КП Молдавии, справедливо указывалось на то, что Русский драматический театр неомонократно не выполнял своих обязательств по творческим планам. Так, за последние три года иманировалось, но не были поставлены такие пьесы, как «Тени» М. Салтыкова-Щедрина, «Три сестры» А. Чехова, «Что делать?» по Н. Чернышевскому, «Сомов и другие», «Дети солнца», «Старик» М. Горького и другие. Эти пьесы, бесспорно, обогатили бы репертуар театра и, надо полагать, вошли бы в его основной фонд.

Нельзя пройти мимо того, что некоторые пьесы советских авторов и пьесы русской классики, поставленные театром, все же не были, мягко говоря, его удачами. В числе их можно назвать «Первую вешу» Г. Николаевой и «С. Раздвинутого» и другие.

Конечно, нельзя не признать, что театр находится в довольно трудных условиях: сравнительно небольшой зрительный зал лишает и погоню за количеством выходящих спектаклей в ущерб их качеству. Связывает требовательность к репертуару, допуская всякого рода скиндов. А зритель, как известно, именно этого и не прощает. Для него каждый спектакль — и первый, и сотый — в театре для он или на выезде — должен быть праздником, творческой радостью, премьерой. Он хочет и имеет полное право видеть только хорошее, только полноценные спектакли. Но зрители, как и руководители театра, хорошо знают, что творческий процесс создания спектакля или роли нередко подменяется «опытными» исполнителями, профессионализмом. На это толкает, этому содействует и неправильный режим эксплуатационной деятельности театра, губительно отражающийся на его творческом состоянии.

Подготовка и выплата очередной спектакль, в театре, как правило, играют его почти подлая, ежесекундно (а иногда и дважды в день), то есть «прокапывают» его столько раз, сколько он может делать сборы. За это время готовится новый спектакль, который, сменяя предыдущий, также будет пущен на этот своеобразный конвейер, то есть на творческий износ. Каждому, даже далекому от театра человеку, ясно, насколько губительна такая система. Впрочем, кое-кто считает подобную практику в условиях Кишинева неизбежной и закономерной. «Здесь», — говорят они, — так привык зритель. Если не «прокапать» спектакль подлая, он не даст ясового эффекта». Кому же, однако, не ясно, что такая работа за износ свидетельствует не о творческом, а о сугубо коммерческом характере деятельности. Она является результатом недооценки возможностей театра, результатом отсутствия широкой перспективы. Не потому ли репертуарный план театра на вторую половину текущего года был «разработан» и представлен в руководящие организации только в мае. Нет перспективных творческих планов, не выбрана пьеса, которую театр должен поставить к знаменательной дате столетия Великой Октябрьской революции.

В репертуаре театра нет ни одного произведения цифровой классической драматургии, нет удачных спектаклей, поставленных по пьесам рус-

ской классики. Где же обещания на республиканском совещании главным режиссером театра Е. Вентре спектакли «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Крылья» А. Корнейчука, «Баян» В. Мамковского? А ведь в театре есть немало актеров и старшего и молодого поколений, которые могут осуществить этот репертуар. Разве примитивный подвал вроде «Сладкого путешествия», надуманная мелодрама «Отец и сын» или вытута на пыльных индустриальных театров инсценировка Э. Фабра «Кишинев» (она же «Наследство», она же «Омута») — разве это та драматургия, которая может определить творческое лицо республиканского театра? А ведь руководители театра включили в репертуарный план второй половины текущего года такую типично обязательскую пьесу, как «Люся» Г. Мазилы, включили, ссылаясь на вкусы зрителя.

«Вкусы зрителя!» Как часто этими словами прикрывают театральные деятели свою беспринципность, неумение работать! Вымысленная теория, что наш зритель якобы предпочитает «легкий, беззастенчивый» репертуар, полностью опровергается такой простой справкой из практики Кишиневского театра: спектакль «Персональное дело» А. Штейна прошел 61 раз, «Мать своих детей» А. Арбузова — 62 раз, «Таня» А. Арбузова — 74 раза, а такой «отрагательный» спектакль, как «Дон Сезар де Батан», который мог появиться только с учетом «вкусов» незначительного зрителя, прошел всего 28 раз. Очевидно, дело не в дурных вкусах нашего зрителя, а в недочетах его требований, в неполноте его вкуса. Зритель хочет видеть больше, ярче, полноценные спектакли, а не компромиссы «сладкого побое», ценю подписавшие.

Нам кажется, что руководителям театров уже давно следовало бы учитывать не требования некоего абстрактного «зрителя», а требования передового зрителя, его культурный рост. Следовательно, все время думать о новом и глубоком прочтении материала, воплощенного на сцене. Ставить спектакли сегодня, используя только профессиональный язык, по старинке, как ставили несколько лет назад, уже нельзя.

Одной из последних постановок сезона была комедия Б. Нушича «Доктор философия». В ней, ряд добродушной «комедийности», была смелая сатирическая острота пьесы. Внимание зрителей было направлено не на обличение глупости и порочности буржуазной морали, не на некоторые, живущие еще и у нас, пережитки. Зритель смеялся, но не уничтожающим смехом сатиры, а добродушным смехом человека, наблюдящего нежелательные комедийные «положения». А разве случайно эти пьесы анонсировались театром на плакатах с подзаголовком «Чья она жена?», что совсем неверно ориентировало зрителя.

Пора не только оставить вопросы о решительном изжитии неполадок, которые ощутимо мешают творческой жизни и росту театра, а ликвидировать их, покончить с негодной практикой пассивно-примиренческого отношения к существованию спектаклей слабых, бездельных, а отсюда — серых и безликих в художественном отношении.

Во многом повинен театр, но всегда учитывающий возросшие запросы зрителя. Но повинны и организации, руководящие театром. Они повинны в первую очередь в том, что позволяют театру успокаиваться на достигнутом, отставать от жизни.

В этом отношении показательны два примера. В Кишиневе нет театра юного зрителя. Но в городе есть более сорока тысяч любознательных зрителей школьного возраста. Единственный республиканский театр купил и по ограниченности репертуара, и по многим другим причинам может обслужить только незначительную часть из них — то преимущественно школьники до 3—4 классов. А как же обслуживаются ребята средних и старших классов? Почти никак. Что делает для этого «взрослый» театр? Есть ли у них спектакли

для этого беспокойного и жадного зрителя? Фактически нет. Что предпринимается по этому поводу, какие спектакли для них планируются? Ничего и никаких. Русский драматический театр, перегруженный «параллельными» спектаклями, упустив из виду, что у него в городе есть огромный контингент юного зрителя.

Вотрым примером может служить давний и сложный вопрос о взаимоотношениях театра с драматургами. В репертуарный план театра на вторую половину этого года включены две новые пьесы местных авторов — «Истинные друзья» Л. Корняку и «Дуют свежие ветры» И. Шелова. Это, бесспорно, положительные факты. И не только потому, что это драматурги «местные», в потому, что их пьесы написаны со знанием специфики театра, тем пьесы нужные. Если театр сумеет пролить на эту творческую заинтересованность в совместной с авторами работе, он сделает большое дело.

Однако в Молдавии есть и такие драматурги, которые лишут пьесы, печатают их, но в театр не приносят. Между театром и драматургами нет крепкой дружбы, а ведь она является залогом успеха в совместной творческой работе. В члене драматургов есть авторы уже не раз пьес, есть поэты, прозаики. Достаточно назвать такие имена, как А. Луная, Л. Деляну, Р. Портной, Л. Варский и другие. Почему же у театра нет стремления и дружбы с авторами? Очевидно, это происходит потому, что театр срывает свой репертуар неправильно. Пьесы выбирают на основе ознакомления с кратко изложенным в репертуарном бюллетене содержанием произведений, при условии минимального количества действующих лиц (для удобства параллельных спектаклей), уменьшения количества декораций (для уменьшения стоимости постановки) и слухов — «как дошла пьеса» (хотя одна и та же пьеса может быть хорошо поставлена в одном театре и плохо в другом).

Если такое отношение к самому главному в театре — к драматургии — может быть объяснено пассивностью и безразличием того или иного руководителя театра, то оно никак не может быть понято, когда эти вопросы недостаточно включены в Управление по делам искусств Министерства культуры МССР, основной задачей которого является постоянная активизация творческой жизни и всемерное повышение требовательности к работе театров. Эта сфера деятельности никак не может рассматриваться, как «каждодневная мыльная опера». Но факт остается фактом: пока театр и драматургия живут врозь. Может быть, в этом повинны и драматурги, но в большей мере, конечно, театры, а в полной мере — организации, руководящие их деятельностью.

Конечно, руководители Русского драматического театра хорошо знают о всех недостатках в их деятельности и в работе театра. Но потому ли они с такой осторожностью встречают всякого рода критические высказывания — будь то на страницах печати или даже на обычной зрительской конференции.

Великий русский критик В. Г. Белинский говорил о двух способах «выскалывать истину», имея в виду — критикой «прямо», а другой — «критикой уклончивой». В нашей советской мажорности применяется первый, тем более, что второй, как известно, пользы не приносит. Не следует забывать, что даже большие театры, которые долгое время искусно ограждались от зловредной «прямой» критики, быстро теряли свою творческую жизнеспособность.

Новые условия работы театров, их широкие возможности, их права — это серьезный экзамен на творческую зрелость коллективов, а для руководителей театров — экзамен на право руководства.

Мы уверены, что Кишиневский русский театр, не боясь ни трудности, ни повышенной требовательности, придет к знаменательной дате столетия Великой Октябрьской революции, к предстоящей в недалеком будущем в Москва декаде молдавского искусства с новыми, яркими, полноценными спектаклями. Мы верим в его творческие успехи. Любим зритель, который окружит театр, — самый верный залог его успеха.

П. БЕРНАЦИК,
искусствовед